

УДК: 811.161.1'42(571.12)

Е. А. Федорова, В. П. Сливинский

**СИБИРЬ В ЛИНГВОМИФОЛОГИЧЕСКОМ КОНТИНУУМЕ РОССИИ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

Статья затрагивает проблему осмысления Сибири как особого мифологического пространства в языковом сознании русского человека. Исследователи рассматривают этимологические корни трансформации хоронима. Они пытаются понять, почему Сибирь выступает как сакральное место, обладающее сложной сетью ассоциативных полей. Авторы рассматривают вопрос: почему Сибирь воспринимается как аналог Тартара, своеобразным чистилищем и вместе с тем местом приобретения сверхъестественных сил и способностей. Региональное топонимическое пространство может быть рассмотрено, с одной стороны, как текст, отражающий историю народа, а с другой стороны, как культурная среда, формирующая историческое сознание, поскольку зачастую топонимия воспринимается как мемориал историческим деятелям и событиям.

Ключевые слова: Сибирь, мифоним, хороним, русское языковое сознание, Таргар, трансформация имени.

E. A. Fedorova, V. P. Slivinsky

SIBERIA IN THE LINGUISTIC AND MYTHOLOGICAL CONTINUUM OF RUSSIA: PROBLEM OF UNDERSTANDING THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The article deals with the problem of understanding of Siberia as a special mythological space in the linguistic consciousness of the Russian people. researchers consider the etymological roots of the transformation horonoma. They are trying to figure out why Siberia acts as a sacred place, which has a complex network of associative fields. The authors examine the question of why Siberia is seen as analogous to Tartarus, a kind of purgatory, and together with the place of acquisition of supernatural powers and abilities. Regional toponymic space can be considered, on the one hand, as a text reflecting the history of the people, on the other hand, cultural environment, which forms the historical consciousness, as it is often perceived as a memorial to names of historical figures and events. Myths are an effective means of influencing the public consciousness, mythological communication is very interesting for advertising and public relations, as there is a level that can be weakly refuted the mass consciousness. Myth is one of the features of onomastic discourse.

Siberia is associated as a specific mythological space. It is no accident that Siberians in proverbs serve as special people, and Siberia as a special fabulous space. For example: Siberian is not one who was born in Siberia, but the one who puts on the heat, Siberian is not the one who lives in Siberia, but the one who puts on the heat, Siberia-mother and the Urals, the priest sent to Siberia as hard as a Siberian, Siberian health, etc.

Send or go to Siberia in the popular mind equates to traveling to the sacred world of death, into the world of the Other, so the use of the word as a place name «Siberia» is associated with the designation of the forbidden places, closed places, remote location with a strong negative connotation.

In addition, there is a dichotomy in the Russian language consciousness: «Russia – Siberia» as an echo of a dichotomy of Russia and Siberia as Tartary / Tartarus. Thus, the «Tatar land» has a special place in the plot. It is at the opposite pole, in opposition to all Russian things, it is the habitat of «enemies of the villains, powerful Tatars evil.» «Conspiracy selfless person going into any war» describes the battle with the Tatars as with the infidels, soldiers, notorious for cruelty, courage, supernatural invulnerability.

Keywords: Siberia, mythonym, bury, the Russian language awareness, Tartarus, the transformation of the name.

В свое время П. А. Флоренский справедливо заметил, что «об истории любого слова можно написать целую книгу» [19, с. 326].

В этом выражено фундаментальное свойство слова, его предназначенность к функции «работы духа в материале артикулированного звука», его центральная роль в языке как *εϋρυεια* [5]. Слово есть «метод концентрации» смысла [19, с. 163] и, для другого, – сам явленный смысл [19, с. 252], именно «слово произнесенное подводит итог внутреннему томлению по реальности» [19, с. 291]. Однако следует признать, что то, что говорят о слове великие гумбольдianцы и сам Гумбольдт, значимо далеко не для

каждого. Так, как ни велик авторитет гумбольдтовского учения для лингвистов, но сказанное выше не имеет ни малейшего отношения к реально-практикуемой лингвистике, да и к филологии лишь настолько, насколько она – герменевтика. Заметим, что так называемые «науки о слове» – лексикология и лексикография – трактуют лексическую систему языка, абстрагированную от живого языка, языка как Слова. Именно это положение позволило Б. Крозе определить словарь как «кладбище кое-как подбальзамированных трупов» [20, с. 176], что столь верно по отношению к реальному слову, сколь несправедливо по отношению к лексикографии.

В переходную эпоху заново ставится вопрос: что такое Сибирь? Этот неясного происхождения хороним до сих пор несет в себе и мифологические, и утопические, и реально-исторические смыслы. «Сибирь как колония» (Николай Ядринцев) – вот так началось осознание Сибири в России, однако не стоит забывать, что некогда Дон, Поволжье, Кавказ были когда-то регионами русской колонизации. Мы полагаем, что топонимическая система представляет собой сложную сеть ассоциативных полей (относительно автономных семантических подсистем, объединенных некоторыми общими компонентами и состоящих из связанных между собой лексических единиц). Иными словами, «топоним являет собой свернутый миф» [9, с. 118]. Например, мы полагаем, что топонимические ассоциации являются ключевыми словами ономоифа местности, голографически представляя топообъект в языковом сознании носителя языка. Само понятие «ключевое слово» активно используется в современном языкознании. Ю. Л. Воронников приводит следующее определение, которое дала этому термину Е. А. Земская: «Ключевыми следует считать слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [3, с. 137]. Однако здесь возможны варианты создания топонимического мифа. Кроме данного слова – «ключ» существуют и другие, которые открывают иные «входы» в это культурное пространство. Региональное топонимическое пространство может быть рассмотрено, с одной стороны, как текст, отражающий историю народа, а с другой стороны, как культурная среда, формирующая историческое сознание, поскольку зачастую топонимия воспринимается как мемориал историческим деятелям и событиям. Мифы представляют собой эффективное средство воздействия на массовое сознание; мифологическая коммуникация весьма интересна для рекламы и паблик рилейшнз, поскольку действует на

уровне, который может слабо опровергаться массовым сознанием. Миф является одной из особенностей ономастического дискурса. В ономастическом дискурсе миф понимается нами как некритически воспринимаемые стереотипы общественного сознания. В основе создания мифа лежит явление фетишизации символа: Золотая Орда → «Золотая Орда» (магазин, ресторан, Интернет-игра). В более поздней трактовке это исторически обусловленная разновидность общественного сознания. В новейших интерпретациях под мифом подразумевается некритически воспринятое воззрение [6, с. 43].

Как утверждает Э. В. Померанцева, «отклики далекой, давно забытой действительности», они отнюдь «не воспринимаются как рассказ о прошлом, а формируют тот призрачный фантастический мир, в котором живут и действуют ... герои» [15, с. 85].

Сибирь ассоциируется как специфическое мифологическое пространство. Не случайно сибиряки в пословицах выступают как особенные люди, а сама Сибирь как специальное сказочное пространство. Например: **Сибиряк не тот, кто в Сибири родился, а тот, кто тепло одевается; Сибиряк не тот, кто в Сибири живет, а тот, кто тепло одевается; Сибирь-матушка, а Урал – батюшка; послать в Сибирь; крепкий как сибиряк; сибирское здоровье** и т. п.

Отправка или дорога в Сибирь в народном сознании приравнивается к путешествию в сакральный мир Смерти, в мир Иного, поэтому использование в качестве топонима слова «Сибирь» связано с обозначением запретного, закрытого, удаленного места с ярко выраженной негативной коннотацией. Например, в украинской народной песне есть такие слова «За Сибіром сонце сходит, Хлопці не зівайте. Ви на мене, Кармалюка, всю надію майте». У. Кармалюк – украинский Робин Гуд. Такое соотнесение хоронима Сибирь в народном языковом сознании с сакральным пространством перемещает

саму Сибирь в реальность заговора, сказки и мифа. В связи с этим показательны и популярные книги якобы «сибирской целительницы Натальи Степановой», а также всевозможная реклама в газете «Оракул» якобы потомственных целителей из Сибири (бабушка Агафья, бабушка Вера и т. п.). Считается, что якобы лишь в Сибири сохраняются исконные знания, имеются скрытые ресурсные источники и сакральные «места силы», живут особенные люди и т. п.

Кроме того, в русском языковом сознании имеется противопоставленность: Русь – Сибирь, которая является отголоском провосоставленности Руси и Сибири как Тартарии/Тартара. Так, особое место занимает в заговорах **«Татарская земля»**, которая находится на противоположном полюсе, противопоставляясь всему русскому, она – место обитания **«врагов супостатовъ, дюжихъ татаръ, злыхъ татарченковъ»**. **«Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на любую войну»** описывает сражения с татарами – с иноверцами, воинами, прославившимися своей жестокостью, храбростью, сверхъестественной неуязвимостью: **«Вы, богатыри могучи, перебейте татаръ, полоните всю татарскую землю; а я былъ бы изъ-за всаъ цѣль и невредимъ. Иду я во кровавую рать татарскую, бью враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣль и невредимъ»**. Твердой, способной уберечь от всех врагов, выступает в заговорах **«Кремль»**. Первый пласт ассоциаций связан с кремнем, на самом деле этимология слова иная: **«Крѣмль м. кремъ, кремнікъ стар. и кромъ (отъ кроміть, кромленое мѣсто), дѣтинець, внутренняя крѣпостца, крѣпость внутри города; стѣна съ бойницами, воротами, башнями, ограждающая важнѣйшую часть города, дворець, казну»** [8, с.138].

На древних картах территория, находящаяся за Уральскими (Рифейскими) горами, обозначалась не иначе как **Тартар**. Известно, что непрременной составляющей частью

мифокоординат европейской цивилизации является **«тáръ-таръ»**, или **«таръ-тарары»**. Тартар (заимствование из греч. языка) считался нижней частью преисподней – Аида, представляющей темную бездну в глубине космоса, иногда отождествлялся с Аидом. Вокруг Тартара вечно бушуют вихри, он окружен тройным слоем мрака и железной стеной (или тремя медными стенами). Железные (или медные) ворота Тартара – создание Посейдона. Эти железные ворота также можно соотнести с Уральскими горами.

В Тартаре находилось жилище Никты (Ночи). У Гесиода Тартар персонифицирован и считается одним из первых четырех богов. Итак, в античной традиции Тартар описывался как некое пространство, находящееся в самой глубине космоса, ниже Аида – царства мертвых; он не просто отгорожен железной/медной стеной, но и ночь окружает его в три ряда. Тартара страшатся даже боги, поскольку все, что попадает в Тартар, исчезает безвозвратно, потому что оттуда нет дороги назад [8].

В современном русском языке выражение «провалиться в тартарары» означает исчезнуть, погибнуть [10, с. 136]. Именно это последнее, метафорическое значение, реализуется в заговорных текстах в закрепке и в ссылании, в проклятиях и т. п. Описание Тартара повторяет сведения мифов, например, в **«Молитвѣ, аще въ домѣ глумится»: «врата мѣдны..., и верія желѣзныя, ...и узами мрака въ тартарѣ посадить, связаль еси (змія)»** [8, с. 138].

Как справедливо отмечает В. В. Колесов, «пространство, основная категория русской ментальности, при необходимости к пространству сводят и время, и движение, и все остальные категории» [11, с. 102].

Тартария – именно так называлась обширная территория Зауралья, населенная тартареями (тартарами, татарами). Одни исследователи считают её мифическим обозначением никогда не существовавшего

государства [13], другие – обозначением конкретной местности [18]. Этот хороним был особо актуальным во времена Средневековья, когда монгольские войска стремительно завоевывали Европу. В средневековом мире встреча и сравнение культур происходили в категориях «свое – чужое». «Человеческому», осененному крестом пространству Запада противостояло чужое и враждебное пространство Востока. Свой мир (мир «вселенная») человек Средневековья воспринимал как большое «село», но в то же время в его понимании пространства «отчетливо присутствовало осознание того, что мир этот не рожден из ничего, он – творение рук Божьих» [2, с. 168]. Поэтому славянский мир в целом (да и европейский в том числе) испытал потрясение в связи с тем, что о монголах в Библии не было сказано ни слова.

Однако следует признать, что средневековый мир быстро справился с этим стрессом, поскольку мировосприятие той эпохи отличалось цельностью, а именно: в каждом событии земной истории виделся символ событий Священной истории. Вторжения чужеземцев, природные катастрофы находились в одном ряду по значимости для человека Средневековья, поскольку считалось, что все повторяется от начала времен и на все воля Божья. Для того чтобы оправдать ужасные ожидания и неминуемые бедствия, требовалось отыскать их прототип в прошлом, так древняя история сливалась воедино с современной перед божественной вечностью. Для налаживания связей с тартарами была отправлена францисканская миссия, нунцию брату Иоанну первому предстояло задать вопросы западной цивилизации «царю тартарейскому».

Архиепископ Петр, отвечая на вопрос о происхождении тартар, ссылается на «Откровение» псевдо-Мефодия, который пророчествовал, что к скончанию времен явятся те, кого изгнал Гедеон, и пленят они всю землю от Востока до Евфрата и от Тигра до Понта Эвксинского (Черного моря), кроме Эфиопии

[1, с. 16–46]. Это откровение псевдо-Мефодия приобрело свой особый смысл для событий XII века. Как утверждали английские источники того времени, «неслыханная рать безбожных тартар» была признана моавитянами, бежавшими в глубокой древности от гнева библейского Гедеона «до самых отдаленных областей востока и севера и осевших в месте ужасном и в пустыне необитаемой, что Этревом называется. И было у них двенадцать вождей, главного из которых звали Тартаркан. От него они и названы тартарами... И, выйдя из-за гор с бесчисленными полчищами, они покорили тюрков, вавилонян и направили своих вождей против Руси, Польши и Венгрии» [14, с. 180–182]. Вот так, благодаря пророческим словам псевдо-Мефодия, тартары обрели свое место в Священной истории западной (христианской) цивилизации.

Это отношение к татарам хорошо прослеживается в русском фольклоре. Например, в русских колыбельных песнях маленькому ребенку надлежит спать, а не то «татарин-басурман посадит девку в карман, девку за волосы дерет, девка дурным голосом орет» [7, с. 145]. Не случайно и сама Татарская земля находится на другом полюсе ценностей по отношению к Русской. Считается, что Татарская земля – место обитания врагов земли Русской. Вторжению азиатских кочевников было найдено объяснение и оправдание, соответствующее божественному архетипу небесной кары. Это не является странностью времени, если учесть, что именно новгородские первые летописи описывают тартар/татар как носителей иной культуры, иной религии, а жестокость татар укрепляла в русском сознании образ заклятых врагов.

Татар воспринимали как прорыв запертых до времени сил зла. По всей видимости, свою роль в мифологизации сыграла и созвучность обозначений: татары – Тартар – Татария (Тартария). Серапион Владимирский порицал современников, не внявших

божественным предзнаменованиям монгольского нашествия: «И все равно не раскаялись мы, пока не пришел на нас немилостивый народ, как наслал его Бог; и землю нашу опустошили, и города наши полонили, и церкви святые разорили, отцов и братьев наших избили, над матерями и сестрами нашими надругались. И теперь, братья, все это признав, убоимся страшного этого наказания и припадем к Господу своему с обещанием: да не падет на нас еще больший гнев Господень, да не наведет на нас казни больше прежней» (цит. по [18, с. 60]). В сознании русского народа историческое событие – нашествие монголов – сразу же перешло в разряд мифологического. Поэтому даже в заговорной традиции содержатся описания сражений русских с татарами-иноверцами, воинами, прославившимися своей жестокостью, храбростью, сверхъестественной неуязвимостью: **«Вы, богатыри могучи, перебейте татарь, полоните всю татарскую землю; а я былъ бы изъ-за всаъ цѣль и невредимъ. Иду я во кровавую рать татарскую, бяю враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣль и невредимъ».**

Итак, отношение к тартарам, тартареям, татарам в Средневековье было неоднозначным. Татар/тартар принимали в Европе и за потомков десяти колен Израилевых, ушедших за золотым тельцом и канувших в вечность (Тартар), и за другие библейские народы, которые исчезли в древности. В свое время возникла даже дискуссия: являются ли тартары евреями или нет [18]. Наиболее распространенной была версия о том, что тартары – это предсказанные легендарные народы древности Гог и Магог, приход которых возвестит о конце мира. Итак, тартары в момент своего по-

явления воспринимались на Западе как одно из проявлений гнева Божьего. Аналогично воспринимали тартар и народы Востока. Рашид ад-Дин так описывает речь Чингисхана к жителям Бухары: «Бойтесь меня! Ибо я – кара господня. Если бы с вашей стороны не были совершены великие грехи, великий господь не ниспослал бы на ваши головы мне подобной кары!» [17, с. 205]. Однако уже в XIV веке, в эпоху тесных контактов, торгового обмена, в Европе появляются сочинения, идеализирующие нравы и обычаи кочевников Тартарии [4]. В то же время появившиеся известия о едином боге тартар дали толчок одному из наиболее любопытных мифов средневекового Запада – легенде о таинственном христианском государе пресвитере Иоанне, чье могущественное царство соотносилось с не менее таинственным Беловодьем или Шамбалой. Содержание мифа и в прошлом, и в настоящем воспринимается вполне реальным, и, как утверждает Т. Р. Пятникова, «различие между реальным и сверхъестественным не проводится» [16, с. 90].

Сегодня мы наблюдаем переосмысление образа врага в русском языковом сознании, дихотомия «свой – чужой» наблюдается между европейцами и афроамериканцами, россиянами – американцами и европейцами, русскими – народами Кавказа, русскими – евреями и т. д. Этот список можно продолжать. Однако в русском языковом сознании Сибирь со своей географической и культурной отдаленностью от центра воспринимается практически также, как и Африка с ее многочисленными языческими культурами, наглядно демонстрируя уровень реальной «толерантности/интолерантности» в различных языковых средах» [12, с. 139].

Литература

1. Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. – М., 1997. – С. 468.
2. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.

3. Воротников Ю. Л. Слова и время. – М.; Н., 2003. – 167 с.
4. Гофф Ж. Ле. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – 427 с.
5. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческих языков и влиянии на духовное развитие человечества // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 34–298.
6. Гуревич П. С. Мифология наших дней // Свободная мысль. – 1992. – № 11. – С. 43–53.
7. Карабулатова И. С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. – Тюмень: Академия, 2004. – 268 с. (с аудиоприложением).
8. Карабулатова И. С., Бондарец Е. А. Заговор: имя собственное в сакральном дискурсе знахарской практики. – Тюмень: Феликс, 2005. – 368 с.
9. Карабулатова И. С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании носителей русского языка. – Тюмень: Печатник, 2008. – 254 с.
10. Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. – М.: Наследие, 1997. – 462 с.
11. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.
12. Кудрина Е. Л. Формирование толерантности как инновационное направление подготовки выпускников вузов культуры и искусств в обществе «Знание» // Homo communicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации / под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурской-Бояновской, Александра Шункова, Барбары Родзевич. – Щецин: Grafform, 2012. – С. 139–147.
13. Малолетко А. М. Географическая ономастика. – Томск: Изд-во ТомГУ, 2001. – 186 с.
14. Матузова В. И. Английские средневековые источники, XIII–IX вв.: тек., пер., коммен. – М.: Наука, 1979. – 670 с.
15. Померанцева Э. В. Русская устная проза / сост. В. Г. Смолицкий. – М., 1958. – 780 с.
16. Пятникова Т. Р. Мифология как тип мировоззрения (особенности мифологического сознания) // Фольклор в истории народа и его место в современной культуре: материалы научной конференции, посвященной 10-летию научного фольклорного архива народа манси (р. п. Березово, 19–22 сентября 2003 г.). – Томск: ТомГУ, 2005. – С. 88–93.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирновой, примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенова. – М.; Л.: Наука, 1952. – 386 с.
18. Юрченко А. Г. Взгляд с высоты Вавилонской башни // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – СПб.: Евразия, 2002. – С. 32–74.
19. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Избранные труды: т. 2. – М.: Правда, 1990. – 448 с.
20. Croce B. Estetica como scienza dell'espressione e linguistic generale. – 4-e ed. riv. – Bari: Giuseppe Laterza & figli, 1912. – XXIII + 589 p.

Literatura

1. Apocrypha ancient. Texts and Studies / Apocrypha ancient. – М., 1997. – 468 p.
2. Vendina T. I. Medieval man in the mirror of Old Church Slavonic. – М.: Indrik, 2002. – 336 p.
3. Vоротnikov Yu. L. Words and time. – М.: Nauka, 2003. – 167 p.
4. Goff J. Le. The civilization of the medieval West. – М., 1992. – 427 p.
5. Humboldt W. fon. On the difference between the structure of human language and its impact on the spiritual development of human languages and the impact on the spiritual development of mankind // W. fon Humboldt. Selected works on linguistics. – М.: Progress Publishers, 1984. – P. 34–298.

6. Gurevich P.S. The mythology of the day // Free Thought. – 1992. – № 11. – P. 43–53.
7. Karabulatova I. S. Culture childhood Tyumen region: tradition and modernity. – Tyumen: The Academy, 2004. – 268 p. (with audio application).
8. Karabulatova I. S., Bondarets E. A. Conspiracy: a proper name in the sacred discourse voodoo practices. – Tyumen: Felix, 2005. – 368 p.
9. Karabulatova I. S. Prognostic toponymy: the transformation of the space in the language toponymic minds of Russian. – Tyumen: Printer, 2008. – 254 p.
10. Klyaus V. L. Index plots and plot situations conspiracy texts eastern and southern Slavs. – M.: Legacy, 1997. – 462 p.
11. Kolesov V. V. Russian mentality in language and text. – SPb.: St. Petersburg Oriental Studies, 2006. – 624 p.
12. Kudrina E. L. Tolerance as an innovative direction university graduates Culture and the Arts in Society «Knowledge» // Homo communicans II: The Man in the space of intercultural communication / ed. Christina Yanashek, Jolanta Miturska-Boyanovska, Alexander Shunkov Barbara Rodzevich. – Szczecin: Grafform, 2012. – P. 139–147.
13. Maloletko A. M. Geographic onomastics. – Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2001. – 186 p.
14. Matuzova V. I. English medieval sources, IX–XIII centuries: Texts, Translation, Commentary. – M.: Nauka, 1979. – 670 p.
15. Pomerantseva E. V. Russian oral prose / comp. V. G. Smolitsky. – M., 1958. – 780 p.
16. Pyatnikova T. R. Mythology as the type of world view (especially mythological consciousness) // Folklore in the nation's history and its place in contemporary culture: Proceedings of the conference on the 10th anniversary of the scientific folklore archive of Mansi (district town Birch, 19–22 September 2003). – Tomsk: TomSU, 2005. – P. 88–93.
17. Rashid al-Din. Collection of Histories. V. 1. Kn. 2 / Translated from Persian. O. I. Smirnova, Notes B. I. Pankratov and O. I. Smirnova; ed. A. A. Semenov. – M.; L.: Nauka, 1952. – 386 p.
18. Yurchenko A. G. View from the height of the tower of Babel // Christian world, and «The Great Mongol Empire.» Proceedings of the Franciscan mission in 1245. – SPb.: Eurasia, 2002. – P. 32–74.
19. Florensky P. A. In watersheds thoughts // Selected Works: vol. 2. – M.: Truth, 1990. – 448 p.
20. Croce B. Estetica como scienza dell'espressione e linguistic generale. – 4-e ed. riv. – Bari: Giuseppe Laterza & figli, 1912. – XXIII – 589 p.